

УДК 32.019.51(070+654.1)

doi 10.17072/2219-3111-2020-4-87-94

ВЕНОК ВОЖДЮ: СКОРБЬ ПО ЛЕНИНУ И ПРАКТИКИ СОВЕТСКИХ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

С. Ю. Малышева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Рассматриваются опыты раннесоветских саморепрезентаций идентичностей, связанные с ситуацией похорон и государственного траура по В.И. Ленину. Декретом 1917 г. были дезавуированы прежние сословия, чины и идентификационные маркеры, определявшие статус человека в обществе. В изменчивых условиях Гражданской войны и нэпа социальные статусы также не отличались устойчивостью. Период траура по Ленину стал определенной точкой разрыва в континууме недолгой тогда советской истории, временем осмысления прошлого и размышления о будущем и о своем месте в нем. Поощрение в 1920-е гг. «политической скорби» по вождям в конкретном случае траура по Ленину способствовало формированию пространства выражения не только собственно чувств скорби. Это пространство было использовано гражданами, коллективами, сообществами для выработки и утверждения собственных идентичностей. Одним из средств саморепрезентации стали погребальные венки, подносившиеся «на гроб вождю». Рассматриваются как традиционные формы венков и причины их распространенности, так и новые, необычные формы и заложенные в них претензии на выражение и утверждение идентичности. Наиболее распространенным приемом саморепрезентации являлось утверждение трудовых и профессиональных идентичностей. Причем отдельные граждане и коллективы, не отнесенные к «трудящимся», использовали вербальные и невербальные маркеры погребальных венков для самопричисления к этой желаемой и безопасной категории, таким образом конструируя свою идентичность и утверждая свое место в новом советском социуме. В публичном пространстве траура по В.И. Ленину при непосредственном участии самих граждан создавался образ советского общества.

Ключевые слова: история смерти, похороны Ленина, советские идентичности, саморепрезентация, скорбь.

Периоды истории, связанные со смертью лидеров страны, прощанием с ними и соответствующим государственным трауром, создают уникальную ситуацию взаимоотношения власти и народа, когда гражданин на законном основании может максимально приблизиться к власти, к воплощавшему ее «политическому телу». Феномен «политического тела», рассмотренный Эрнстом Канторовичем в его знаменитом труде о политической теологии Средневековья и о «двух телах», «двойном теле» властителя [Канторович, 2014], современными исследователями распространяется и на символические репрезентации, используемые современными демократиями и иногда напоминающие монархический ритуал «двойного тела» [Манов, 2014, с. 8–12]. Этот феномен может быть интересно экстраполирован и на рассмотрение обращения с «политическими телами» умерших советских вождей и героев, в частности Ленина, на историю принятия и аргументацию решения сохранения тела вождя, его бальзамирования и помещения в Мавзолей [Эннкер, 2011, с. 165–288].

День смерти Ленина (21 января 1924 г.) был объявлен в СССР днем траура, 23 января в стране был введен месячный траур – с 21 января по 21 февраля (РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 14). Комиссия по организации похорон под председательством Ф.Э.Дзержинского отменила все увеселительные мероприятия в стране с 22 по 27 января, дня похорон. С 24 января до полуночи 26 января был открыт доступ к телу Ленина для прощания в Колонном зале Дома союзов в Москве. В течение трех дней в Дом союзов стояли громадные очереди, бесконечным потоком шли люди. Похороны Ленина стали одним из самых масштабных драматических советских перформансов, формой символической репрезентации советского режима, сыгравших важную роль не только в выработке и кристаллизации «кремлевского» ритуала государственных похорон.

рон, но и в укреплении власти партии и советского государства, в социальной мобилизации населения.

Однако пространство государственного траура по Ленину, наполненное опытом репрезентации власти, должно было быть также заполнено реакциями и выражением чувств скорби гражданами, взаимодействующими с властью и участвующими в драматургии траурного действия.

Сторонниками социально-конструктивистского подхода к истории эмоций подмечено, что каждому политическому режиму соответствует эмоциональный режим, определяющий доминирующие нормы эмоциональной жизни [Reddy, 2001, p. 129; Розенвейн, 2017, с. 48]. Большевицкая политика в отношении скорби и ее проявлений довольно ясно отражала дуализм ранней советской инструментализации смерти. Депривация частной скорби в 1920-е гг. соседствовала с насаждением публичной коллективной «политической» скорби – по героям, вождям. Такая скорбь приветствовалась доминирующим эмоциональным режимом, она обладала аффирмативным потенциалом, способствовала легитимации режима, виделась важнейшим ресурсом для консолидации граждан и власти. В раннесоветский период во время траура по Ленину неизжитые тогда еще демократические иллюзии масс и самих большевиков и неформализованное желание последних будить «инициативу снизу», а также не кристаллизовавшийся к тому времени канон «кремлевских похорон» еще допускали проявления неотрегулированной инициативы в проявлении народной скорби. В эмоциональном режиме выражения политической скорби появлялись и приветствовались иррациональные, трогательные жесты, практики собственного архаичным ритуалам публичного проявления горя («забывания себя»): простоволосые рыдающие женщины, оброненные и попираемые тысячами ног деньги, не замечающие обморожения рук и ног люди (У великой могилы, 1924, с. 43, 112–113, 339). В дальнейшем большевицкое руководство, восхищавшееся в 1924 г. скорбной «самодетельностью» масс, благо разумно минимизировало самовольные проявления скорби, канализировало ее в безопасное формализованное русло. Уже в 1930-е гг. эмоциональный режим выражения политической скорби кристаллизовался, формализовался и стал более сдержанным.

Однако проявления «правильной» скорби по Ленину в 1924 г. оказались неожиданными для самих большевиков, которые были потрясены ее спонтанными и массовыми выражениями, упорным, страстным желанием людей участвовать, присутствовать, наблюдать, высказываться. Разумеется, мотивы и причины этого желания были разнообразны – от чистого любопытства до страха перед будущим, от желания показать свою лояльность власти – до искреннего горевания. Формальные или искренние, индивидуальные или обусловленные «эффектом массового заражения» чувства скорби по вождю отражали не столько объективную реальность, сколько субъективную реальность советского эмоционального сообщества [Розенвейн, 2017, с. 48] и его отдельных членов, которая вынуждала их именно так чувствовать в той ситуации, так конструировать чувства либо именно так их имитировать. И большевики извлекали из этих реальных чувств людей политическую выгоду, создавая картину общенародного траура по вождю и единения вокруг партии [Эннкер, 2011, с. 128].

Как бы то ни было, похороны и траур по вождю стали поводом и площадкой не только для проявлений скорби, но и для саморепрезентации скорбящих, для конструирования и артикулирования собственных идентичностей, попытки которых были предприняты коллективами, группами и отдельными гражданами. Они выступали не только в роли «зрителей», но и в качестве создателей этого государственного траура, его «социальной драматургии» [Гофман, 2000, с. 285–286], в ходе демонстрирования скорби по вождю примеряли, разыгрывали и принимали социальные роли, взаимодействовали друг с другом и с властью и в ходе этой коммуникации творили и утверждали собственные образы и идентичности и, таким образом, опосредованно ту социальную реальность, в которой жили.

Одним из интересных инструментов советских саморепрезентаций, конструирования советских идентичностей в январские похоронные дни 1924 г. стали вербальные и невербальные символы, материализованные в традиционных погребальных атрибутах – венках. Несмотря на то что граждан призывали вместо подношения венков делать взносы в созданный 26 января 1924 г. по постановлению II съезда Советов СССР при ЦИК СССР специальный фонд имени В. И. Ленина «для организации помощи беспризорным детям, в особенности жертвам граждан-

ской войны и голода» (Постановления..., 1924, 27 янв.), их массово несли к гробу Ленина в Колонном зале и к Мавзолею.

В 1925 г. Комиссия по увековечиванию памяти Ленина издала огромный альбом с фотографиями и подробным описанием почти полутора тысяч венков от коллективов и отдельных граждан (Ленину, 1924). Сам факт публикации, безусловно, служил свидетельством «манифестации народной скорби», которую большевики умело оформили из различных народных импульсов и канализировали в правильное русло для укрепления своей власти в ее переходный момент. Подбор и размещение изображений венков в альбоме создавали картину «шестивия» советского общества, которое должно было продемонстрировать поддержку большевистского руководства в его «продолжении дела Ленина». Это общество, как его видели или желали видеть большевики, было выстроено институционально и формализованно, как и группы, к которым были отнесены венки в альбоме: 1 – государственные учреждения советских республик, а также крупные заводы и фабрики как их представители; 2 – партийные и комсомольские организации, а также компартии зарубежных стран; 3 – профсоюзные организации, 4 – трудовые коллективы рабочих и служащих фабрик и заводов, мастерских, акционерные общества, «трудящиеся и пролетариат разных местностей»; 5 – рабочие и крестьяне; 6 – Красная армия и ее учреждения; 7 – кооперация; 8 – дети и детские учреждения; 9 – «разные». В последнюю группу были включены лица и организации, не вписывавшиеся в остальные группы: частные лица и общества, иностранные представительства, акционерные общества, торговцы и коллективы торговцев, кустари и артели, инвалиды, заключенные, неизвестные и др. В этой группе оказались не только общества бывших политкаторжан и ссыльных и члены Рабочего дворца им. В.И.Ленина, но и научные и научно-популярные общества и организации (Дом ученых, Ассоциация натуралистов) и объединения деятелей искусства (Дом театрального просвещения им. В.Д.Поленова, Кружок друзей искусства и культуры, художники-проекционисты), просветительно-благотворительные организации (Петроградское общество трезвенников), религиозные и национальные организации (Центральное мусульманское духовное управление и московские мусульмане, московская грузинская беспартийная колония).

Большинство венков представляли собой традиционный атрибут российского погребального обряда – классический круглый или овальный венок из фарфоровых, металлических, бумажных цветов, листьев, ветвей. Широкое использование цветочно-растительного декора в венках, как и в залах прощания с покойным (в случае с «вождями» и «героями» в роли *castrum doloris* чаще всего выступал Колонный зал Дома союзов), возможно, неосознанно отсылало к идее Эдема – райского сада и свидетельствовало об устойчивости христианской символической традиции в рамках новой, советской. Традиционность форм похоронных венков не только подтверждала консервативность предпочтений их заказчиков и самого похоронного ритуала (который, как известно, намного менее других ритуалов был подвержен воздействию и изменению извне, в чем пришлось убедиться и большевикам). Она показывает, что функционировавшие в период нэпа многочисленные частные похоронные конторы и бюро предлагали наиболее востребованные гражданами формы погребальных атрибутов.

Однако примечательно, что традиционные дореволюционные формы некоторых венков могли объясняться не только консерватизмом погребальных контор и фирм, в которых их изготавливали, и самих заказчиков. В феврале 1924 г. в Комиссию ЦИК СССР по организации похорон и по увековечиванию памяти В. И. Ленина поступило гневное анонимное письмо, присланное из совхоза «Васильевский» Можайского уезда Московской губернии, созданного на территории бывшего имения князя А.Г.Щербатова. Авторы письма эмоционально и неграмотно изложили любопытную историю. В 1915 г. к гробу умершего князя Щербатова было поднесено множество венков, 22 из них – из металла и фарфора – сохранились к 1924 г. Вскоре после смерти Ленина, 24 января 1924 г., расторопный заведующий одного из трестов Московского областного земельного отдела, снял ленты с венков и увез их в Москву. Самый большой из венков, с фарфоровыми цветами, был поднесен к гробу Ленина от рабочих, служащих и специалистов Московского земельного отдела (причем, оценив его в 350 руб., деньги на него удержали с зарплаты сотрудников) (РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. Л. 112). Этот венок с надписью «Вождю трудящихся, непримиримому врагу угнетателей» фигурирует в альбоме (Ленину, 1924, с. 209). Остальные венки с могилы князя Щербатова, очевидно, были пущены в продажу,

благо, спрос в те траурные дни был велик. Возможно, этот венок оказался не единственным венком «сэконд хэнд» образца 1915 г. у гроба Ленина.

Впрочем, кощунственная для авторов жалобы предпринимательская активность советского чиновника может быть рассматриваема и как характерное для советской культуры 1920-х гг. стремление, по определению Владимира Паперного, «заставить "чужое" говорить "свое"» [Паперный, 2006, с. 233]. В соответствии с этим стремлением поле традиционных венков наполнялось новыми, революционными символами – пятиконечными звездами, серпами и молотами, венки снабжались красными лентами с соответствующими надписями, утверждавшими советские идентичности скорбящих.

Наименьшей «креативностью» и наибольшей традиционностью форм отличались венки государственных и большевистских организаций. Это были, как правило, венки из живых или искусственных цветов с лавровыми и пальмовыми листьями. Часто на венках отсутствовали даже какие-либо революционные символы, а советская, революционная идентичность скорбящей организации или учреждения обозначалась надписью на красной ленте, прикрепленной к венку. Так, например, выглядели венки от Президиума ВЦИК и от Совета Народных Комиссаров СССР: хризантемы, розы и другие живые цветы с лавровыми и пальмовыми ветками, обрамленные красными лентами с надписями «От Президиума В.Ц.И.К. Р.С.Ф.С.Р. Вождю и строителю Союза Советских Социалистических Республик, В.И.Ленину» и «От Совета Народных Комиссаров Союза С.С.Р. мировому вождю и учителю пролетариата В.И.Ульянову (Ленину)» (Ленину, 1924, с. 3). Формализованная официозность венков от советских и партийных организаций как будто подчеркивала, что они и их члены не нуждались в утверждении революционной идентичности, она была безусловной и априорной, не подлежала дебатированию и детализации.

Особый интерес представляет количественно уступающая указанным традиционным часть венков, которая вообще мало напоминала этот привычный атрибут погребального обряда. Это были целые самодельные композиции из странных предметов и изображений, нехарактерные для траурной церемонии и свидетельствующие о «творчестве» граждан и коллективов в данной сфере. Причем творчество было сопряжено не только с выражением скорби и презентацией покойного вождя, но и с попытками самопрезентации и «обсуждения» собственной идентичности.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. (Декреты Советской власти, 1957, с. 72) дезавуировал все сословия, чины, звания, титулы, награды, гербы и прочие маркеры, определявшие положение человека и групп в обществе. Слом старой структуры создал дефицит критериев идентичности, вызвал необходимость конкретизировать и стратифицировать довольно обтекаемое определение «трудящийся», разработать механизмы причисления к этой категории, избежать упоминания опасных подробностей социального происхождения, обезопасить проблематичные выражения национально-конфессиональной принадлежности. Все эти проблемы разрешались гражданами и коллективами преимущественно путем утверждения трудовых и профессиональных идентичностей, и эти процессы определения своего места в новом обществе довольно ярко отражали опыты самопрезентаций граждан и коллективов посредством погребальных атрибутов.

Благодаря устремлениям к выражению собственных трудовых, профессиональных идентичностей пространство скорби становилось полем демонстрации профессионального мастерства и креативности. Рабочие и служащие различных предприятий и организаций конструировали венки и другие мемориальные подношения к гробу Ленину из сырья и продукции своего производства. Так, горняки Урала преподнесли «дорогому Ильичу» вместо венка изображавшую красное знамя глыбу красной яшмы с черной полосой агата и двумя горными молотками, рабочие и крестьяне Ровенецкого горного района Донбасса – венки с листьями из каменного угля, Донецкий губернский отдел Всероссийского союза горнорабочих – бюст Ленина, высеченный из каменного угля (Ленину, 1924, с. 165, 337, 176). От рабочих завода «Профинтерн» г. Бежице был возложен венок с серпом и молотом, со «всевозможными металлическими производственными изделиями завода: напильники, цепи, циркуля, дрели, метчики и др.» и с портретом Ленина внутри венка, обрамленным спиралью из проволоки (Там же, с. 299), а от рабочих и служащих Тульского патронного завода – венок с дубовой ветвью с патронами вместо

желудей и лавровой ветвью с пулями вместо семян (Там же, с. 291). Рабочие Купавинской фабрики треста Моссукно поднесли деревянный щит, обитый разноцветными кусками сукна с портретом Ленина, сделанным из сукна же, с «прикрепленными всевозможными атрибутами суконного производства, перемешанными с цветами, сделанными из сукна, и мотками шерсти» (Там же, с. 321). Швейники и текстильщики оказались наиболее активны в творческом самовыражении, искусно используя различные виды тканей, мотки шерсти, наперстки, челноки и прочие атрибуты своего производства (Там же, с. 158, 159, 176, 305). Кожевники утверждали свою идентичность, демонстрируя мастерство в работе с мехом и кожей (Там же, с. 296, 312). Креативный плакат поднесли к гробу вождя трудящиеся сахарной промышленности. На нем текст «<...> Вместо венка мы шлем свои сердца, а средства на венок – беспризорным детям любящим Ильича» венчал гербовый круглый щит, на котором под серпом и молотом и надписью «СССР» были помещены головка сахара и две сахарные свеклы (Там же, с. 306). Центральный аэрогидродинамический институт возложил к гробу вождя лопасть пропеллера, к которой был прикреплен серебряный венок из лавровых и дубовых листьев с портретом Ленина (Там же, цвет. вкл.), завод «Мотор» – венок из металлических частей мотора (Там же, с. 88). А венок 23-й Харьковской стрелковой дивизии был составлен из разных видов вооружений – винтовок, штыков, кортиков, патронов (Там же, с. 373). В венке Первой Конной армии фигурировали шашка, подкова и голова лошади (Там же, с. 384). Крестьянские венки отличали традиционные вышитые полотенца («От неимущего крестьянства Украины», «От крестьянок Ново-Николаевского уезда» – с наказом «Пусть повесят это полотенце – где полагается, хотя бы в зале венков») (Там же, с. 334, 356), снопы колосьев и соломенное плетение (Там же, с. 332, 363).

Надписи на венках и лентах фиксировали трудовую и профессиональную идентичность скорбящих. Но в некоторых надписях отражены попытки сопрягать род своих профессиональных занятий с характером деятельности Ленина. Они не только приближали, интимизировали образ покойного вождя, фигурально инкорпорировали его в собственные профессиональные ряды, но и в какой-то степени заключали в себе претензию на значимость своей профессии, ее высокий статус. Так, железнодорожники именовали Ленина «наш красный машинист» и обещали привести паровоз революции к конечной станции «Коммунизм» (Там же, с. 313), Комиссия по улучшению быта ученых называла Ленина «творцом новых путей в науке и жизни» (Там же, с. 158), а работники психиатрической больницы имени П.П. Кащенко – нарекли «целителем общественных недугов» (Там же, с. 73).

Скорбный дискурс, подчеркивая роль Ленина в личной биографии скорбящего, подчас помогал «обезвредить» ее «компрометирующие» факты. Так, обращаясь к покойному Ленину, «заблудившийся в дебрях эсеризма, бывш. политкаторжанин, с 1918 г. весь твой, П.Ф. Иванов (Сибиряк)», написал на траурных лентах: «Тебе, заполнившему душу мою, тебе – всколыхнувшему в дни Октябрьских побед мировоззрение мое, несу последнее прости-прощай! Ты умер! Но символ твой – диктатура пролетариата Вселенной – жив в сердце моем – он потрясет весь мир» (Там же, с. 440).

В текстах на венках воспроизводились официальные партийные лозунги и пропагандистские штампы, особенно при обозначении почившего вождя или при обращении к нему. Однако в случае вербальной самоидентификации эти клише иногда интересно инструментализировались. Скажем, штампы об «угнетенных трудящихся Востока» и освобождении от ига империализма «колониальных и полуколониальных стран Востока», о Ленине как «освободителе» чаще присутствовали в надписях на венках от новообразованных восточных советских республик (Азербайджанской, Башкирской, Татарской и др.), подчеркивая и утверждая их территориальные и национальные особенности, и от коммунистических учебных заведений для кадров «восточных» народов (Коммунистического университета трудящихся Востока) (Там же, с. 6, 10, 59). Однако эти же пропагандистские штампы оригинально использовались отдельными гражданами для саморепрезентации. Так, азербайджанец, «персидский купец г. Мешеда Халим Казизаде Алескеров», был отнесен составителями альбома к торговцам и, соответственно, к группе «разные». Однако, употребив упомянутое клише об угнетенных трудящихся Востока в надписи на венке («Владимир Ильич! Мы не забудем твою работу по освобождению колониальных и полуколониальных стран Востока от ига империалистов») (Там же, с. 442), он тем са-

мым как бы перемещал себя из опасной маргинальной категории «разных», нетрудящихся в относительно безопасную категорию «угнетенных» – представителей восточных народов, освобожденных от ига империализма.

Пример такого «транзита» был не единичен. Подношением погребального венка свою советскую и трудовую идентичность декларировали и заключенные московских тюрем, которые были отнесены в категорию «разные». Они решительно именовали Ленина «любимым вождем и учителем» (служащие и заключенные Лианозовской колонии лишенных свободы в этом выступали солидарно, единым коллективом), «вождем» (московские места заключения), «дорогим учителем трудящихся мира» (заключенные Московской Таганской тюрьмы) (Там же, с. 464–465). Заключенные активно использовали большевистские клише и лозунги. Так, в надписи на венке от московских мест заключения был воспроизведен один из лозунгов Московского комитета РКП от 22 января 1924 г.: «Не уныние и панику должна вселить в нас потеря вождя, а энергию и волю для осуществления великих задач рабочего класса» (Лозунги МК, 1924, 22 янв.). А надпись на венке Ленину от заключенных Московской Таганской тюрьмы дискурсивно встраивала их в стройные ряды трудящихся, сторонников Ильича, по недоразумению временно покинувших эти ряды: «Личным присутствием доказать преданность твоему ученью мы не можем, по причинам вольных или невольных совершенных нами ошибок перед трудящимися, но душой, сознанием и инстинктом мы с тобой и против твоих врагов» (Ленину, 1924, с. 465).

Последний пример – свидетельство «средового детерминизма» культуры первого советского десятилетия, так называемой «Культуры 1», для которой «не было, в сущности, ни болезней, ни преступлений, и то и другое было для нее лишь следствием неправильных воздействий среды» [Паперный, 2006, с. 189, 192]. Соответственно, любые девиации, физические недостатки, болезни не рассматривались как нечто, что следовало скрывать или чего следовало стыдиться, они автоматически должны были «исправляться», преодолевать при изменении среды, а их носители – встраиваться в социум [Паперный, 2006, с. 189]. Именно поэтому авторы надписей на некоторых венках открыто утверждали собственные особенности, связанные с заболеваниями или физическими недостатками, в качестве важного момента идентичности, не исключая, однако, их носителей из общего процесса горевания и через него – из вовлеченности в жизнь страны и социалистическое строительство. Такие послы можно увидеть, например, в надписях на венках от детских учреждений: от «дет/дома девочек-эпилептичек» (Хамовнического района Москвы) (Ленину, 1924, с. 422), «от коллектива 1-го детского дома для слепых имени В.И. Ленина» (Москва). Причем, в надписи на последнем венке фигурировала и идея освобождения, обычно используемая в дискурсах об избавлении трудящихся от угнетения: утверждение о том, что «живой труд» Ленина «останется навсегда в сердцах освобожденных и благодарных слепых» (Там же, с. 422), позиционировал их как потенциальных полноценных тружеников и борцов за социализм.

В текстах на венках от детей применялся еще один прием приобщения к советской и коммунистической идентичности, широко использовавшийся в советское время в официальном дискурсе («октябрюта – внучата Ильича»). Ленин в них уподоблялся не просто учителю, но близкому старшему родственнику – отцу, деду, дяде: «Дорогому дедушке Ильичу», «Дедушке Ильичу», «Любимому дяде Ленину», «Наш дорогой отец», «Дорогому дяде Ильичу», «Поклон тебе, дядя Ленин», «Дорогому отцу и учителю» (Там же, с. 419, 420, 424, 425, 431, 477). В этом приеме, который инспирировался взрослыми наставниками, можно усмотреть и унаследованную от прошлого установку традиционной культуры на патернализм, и черты инструментализации этих патерналистских ожиданий в советской культуре.

Рассмотрение вербальных и невербальных текстов на погребальных венках, поднесенных на гроб вождю, позволяет увидеть в них больше, чем просто способы выражения своих формализованных или искренних, коллективных или индивидуальных чувств скорби по Ленину. Смерть Ленина и ситуация траура создали возможность своеобразного проявления, хотя и в ограниченной и наивной форме, гражданской активности, «культуры участия», направленной не только на совместное действие (похороны Ленина и работа скорби), но и на переосмысление и представление гражданами себя в новой реальности – советской реальности без Ленина. После семи лет революции, упразднившей прежние сословия и состояния и создавшей вакуум

социальных, культурных и прочих идентичностей, который в переменчивых условиях гражданского противостояния и смены экономической политики ситуативно заполнялся различными опытами саморепрезентации, смерть Ленина оказалась точкой разрыва между прошлым и будущим, остановкой перед неизвестным будущим, перезапуском движения страны. И в этой паузе вопрос о собственной идентичности был неспроста, а ответ на него был сопряжен с необходимостью понять свое место в реальности и правильно его обозначить. Текст на погребальных венках представляется интересным источником для рассмотрения процесса становления советского общества, в определенной степени – его портретом на данном историческом этапе, написанным не только «сверху», но и «снизу», и в этом смысле являющимся автопортретом. Этот образ общества создавался и при участии самих граждан, пытавшихся в доступном публичном пространстве прощения заявить о себе, обозначить, сконструировать собственную идентичность, выразить понимание собственного места и роли в формирующейся социальной, культурной, политической структуре советского общества.

Список источников

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 50. 172 л.
 Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.
 Ленину. 21 января 1924. / Изд. Комиссии ЦИК СССР по увековечиванию памяти В.И. Ульянова-Ленина. М.: Б. и., 1925. VII, 517 с.
 Лозунги МК // Рабочая Москва. 1924. 22 янв.
 Постановления II Съезда Советов СССР // Известия. 1924. 27 янв.
 У великой могилы / ред. М. Рафес, М. Модель, А. Яблоньский. М.: Б. и., 1924. 642 с.

Библиографический список

- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ., и вст. статья А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
Канторович Э. Х. Два тела короля: исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
Манов Ф. В тени королей: политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 170 с.
Паперный В. Культура Два. 2-е изд., испр., доп. М.: Нов. лит. обозрение, 2006. 408 с.
Розенвейн Б. Х. Проблемы и методы в истории эмоций // Город и горожане в советской России 1920–1930-х годов: мир эмоций и повседневных практик / ред.-сост. А. Ю. Рожков. Краснодар: Традиция, 2017. С. 22–52.
Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. А. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2011. 440 с.
Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.06.2020

FUNERAL WREATH TO THE LEADER: GRIEF FOR LENIN AND THE PRACTICES OF SOVIET SELF-REPRESENTATION

S. Yu. Malysheva

Kazan Federal University, Kremlevskaya str., 8, 420008, Kazan, Russia
 Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

The article deals with the experience of early Soviet identity self-representation related to the situation of funeral and state mourning for Lenin. The 1917 decree disavowed the former estates, ranks and identification markers that determined a person's status in society. In the fluid conditions of civil war and new economic policy, social status was also unsustainable. The period of mourning for Lenin became a certain point of rupture in the continuum of the short Soviet history, a time of reflection on the past, future and one's place in it. The "political grief" for the leaders, encouraged in the 1920s, in the specific case of mourning for Lenin, contributed to the formation of a space for ex-

pressing more than just grief itself. The space was used by citizens, collectives, communities to develop, to articulate and affirm their own identities. One of the means of self-representation were funerary wreaths brought “on the leader’s coffin”. The article considers both traditional forms of wreaths and the reasons for their prevalence, as well as new, unusual forms and the claims they contained for expressing and asserting identity. The most common method of self-representation was to affirm labor and professional identities. Moreover, individuals and collectives who were not classified as “workers” used verbal and non-verbal markers of funerary wreaths to add themselves to this desired and safe category, thus constructing their own identity and asserting their place in the new Soviet society.

Key words: death history, Lenin’s funeral, Soviet identities, self-representation, grief.

References

- Ennker, B. (2011), *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze* [Formation of the cult of Lenin in the Soviet Union], ROSSPEN, Moscow, Russia, 440 p.
- Gofman, I. (2000), *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation of self in everyday life], KANON-press-TS, Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 304 p.
- Kantorovich, E. Kh. (2014), *Dva tela korolya: issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii* [The king’s two bodies: A study in mediaeval political theology], Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Moscow, Russia, 744 p.
- Manov, F. (2014), *V teni koroley: politicheskaya anatomiya demokraticeskogo predstavitel'stva* [In the king’s shadow: The political anatomy of democratic representation], Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Moscow, Russia, 170 p.
- Papernyy, V. (2006), *Kul'tura Dva* [Culture two], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 408 p.
- Reddy, W. (2001), *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 396 p.
- Rosenvein, B. Kh. (2017), “Problems and methods in the history of emotion”, in *Gorod i gorozhane v sovetskoy Rossii 1920–1930-kh godov: mir emotsiy i povsednevnykh praktik* [City and townspeople in Soviet Russia of the 1920s and 1930s: a world of emotions and everyday practices], Traditsiya, Krasnodar, Russia, pp. 22–52.